

Воспоминания Зимина Константина Дмитриевича, «сына» 217 гвардейского полка, 80 гвардейской ордена Суворова Уманской стрелковой дивизии

Родился в 1930 году Верхняя Банковка Золотовского района Саратовской области.

В 1931 г. наша семья переехала в г.Сталинград. Поселились мы на ул. Солнечной (ныне 13-я гвардейская) в доме № 8 – это была летняя кухня. Семья у нас была большая, 9 человек: шестеро детей, мама с папой и бабушка.

В 1939 году я пошел в школу в первый раз в первый класс. Школа, в которой я учился, находилась на улице Смоленской, а нашу учительницу звали Мария Александровна. Учился я только на отлично, за каждый учебный год получал похвальный лист. В этой школе проучился три года. Продолжать учебу не представилось возможности.

В 1942 году 23 августа фашистские «головорезы» Гитлера напали на город Сталинград и начали его ожесточенно бомбить.

Мы находились в бомбоубежище – это подвал, который находился под нашим домом. Вот тут началось самое страшное. Сколько посыпалось бомб на мирных жителей Сталинграда! Бомбил немец город без перерыва трое суток.

Ночью вешал на парашютах фонари, и от этих фонарей было все видно, и не только фонари освещали город, но и огонь, который был повсюду: горели дома, горели на железнодорожных путях цистерны с горючими материалами, горели хранилища с нефтепродуктами, и эта

горящая нефть выливалась в реку Волгу и продолжала гореть. Казалось, что горит сама река.

В дыму и огне мы слышали вой пикирующего немецкого самолета, свист летящей бомбы и её взрыв. Одна из таких бомб не пощадила и наш дом, в подвале которого было много людей.

Когда дом загорелся от попавшей в него бомбы, люди, а это были в основном женщины, старики и дети, стали выбегать из подвала горящего дома. Было очень страшно.

Выбежав из подвала, мы под бомбежкой стали искать, где бы спрятаться от взрыва бомб. Шла ужасная бомбежка, и мы перебежками, часто приходилось ложиться на землю и ждать, когда взорвется сброшенная с самолета бомба, бежали, искали убежища. Так мы добежали до здания поликлиники № 3 и спустились в подвал. После ожесточенной трехсуточной бомбежки появилось некоторое затишье, и мы вернулись опять на свой двор в подвал. Дом был разрушен и сгорел, а подвал сохранился.

Вскоре отца, Дмитрия Семеновича, вызвали в военкомат и призвали в рабочий батальон. Как единственного кормильца многодетной семьи отца призвали лишь в самый последний перед приходом немцев день. Он в последний раз, когда был с нами, говорил маме: «Давайте я вас переправлю через Волгу», но мама не согласилась, сославшись на старую бабушку и маленькую дочку Галю. Ей было всего 2,5 годика. «Куда мы там денемся, растеряемся все по дороге». Так мы остались без отца.

Потом на территорию, где мы жили, пришли немецкие войска.

Группа солдат (их было четверо) выгнали нас из подвала, и пока мы выходили, солдат, стоящий у входа,

держа в руке наган, все спрашивал на ломанном русском языке: «Русь зольдат ест?»

Убедившись, что в подвале, кроме гражданского населения никого нет, разрешили нам опять спуститься в подвал. Потом немцы трудоспособных женщин собрали и угнали в Германию. После угона женщин, в подвале осталось четыре семьи: Беспалова Екатерина, Стрепетова Мария с внучкой, Мария Федоровна Неделина с двумя детьми – Геной и Ниной, наша семья – мама, Клава, я, Женя, Галя и бабушка. Вскоре бабушка умерла.

Был у нас небольшой запас зерна. Это зерно мы набрали на сгоревшей мельнице. Это здание сохранилось до нынешнего времени, где сейчас идет строительство круговой панорамы «Битва за Сталинград», а за водой ходили на железнодорожное полотно и брали её из цистерн.

Эти цистерны были из-под нефтепродуктов. Для безопасности перегона порожние цистерны заполняли водой. Вот эту воду нам приходилось пить.

Однажды утром наши старшие женщины пошли за водой. Мы их долго ждали и вот, наконец, вернулись только две: Неделина и Стрепетова. Взволнованные, перепуганные и спрашивают Клаву: «А ваша мать не пришла?» она им ответила, что нет. Тогда они нам стали рассказывать. Оказывается, случилось вот что. Та немецкая часть, которая заняла эту территорию, где мы находились, а это была самая передовая линия фронта, знала, что мы живем в подвале, и пропускала женщин за водой туда и обратно. Перед этим ночью немецкая часть сменилась, туда женщины прошли каким-то образом незамеченными, а назад их немцы не пускали, говорили:

«Вы есть разведчики». Неделина и Стрепетова сумели пробежать, а Беспалова и наша мама – нет.

Тогда М.Ф.Неделина посылает меня и своего сына на поиски нашей мамы. Мы с ним выбежали из подвала, пробежали через сквозной подъезд жилого дома и на крыльце увидели убитую Беспалову Екатерину, а рядом с ней лежали два ведра и коромысло. Нашей мамы не было, мы её не нашли и вернулись назад. Так пропала моя мама. Вскоре выпал снег, и нам легче стало с водой: стали топить снег и эту воду пили.

Потом приходит к нам в подвал офицер с солдатами, и стали проводить обыск. Открыли все сундуки, всё оттуда выбросили, чего они искали – неизвестно. Нас из подвала выгнали и указали дорогу на запад: «Идите туда!»

Мою младшую сестренку несла Клава, а мы с Женей шли сами и несли немного зерна. Так мы дошли до улицы Днестровской, наступила ночь. Жить никуда мы дальше на запад, как указывал нам немецкий офицер, не пошли.

Питались мы коровьим кожсырьем (коровьей кожей), за которым ходила старшая сестра Клава на железную дорогу, где стояли платформы. Как мы приготавливали пищу из этой кожи? Резали её на куски, волос на ней палили на печке, потом варили, получался суп. Такой суп мы ели без хлеба. Хлеба не было.

Однажды, возвращаясь с коровьей кожей, Клава сказала, что видела маму, она тоже приходила за кожсырьем. Меня очень обрадовало, что мама жива. Клава рассказала, где она живет, и я пошел к ней. (Я хочу напомнить о том, что все это происходило рядом с передовой линией фронта: рвались снаряды, мины и т.д.).

Тут мне мама рассказала, что произошло с ней, когда она не вернулась с водой, а мы думали, что её убили

немцы. «Когда я увидела тетю Катю Беспалову убитой, я не пошла дальше, а спустилась в подвал. В этом подвале я пробыла трое суток без пищи с одной водой, потом решила: будь что будет – или умру в этом подвале с голоду, или быть убитой фашистами, но что-то надо предпринимать... Вышла, пришла к подвалу, где мы ютились, а там живут немцы. Жестами спросила про вас, видимо, немец понял, что меня интересует, и указал рукой направление, куда вы ушли. Вот я ушла жить к знакомым. Питаемся той же кожей, что и вы. Там я и встретила Клаву».

В это время Паулюс приказывает своим солдатам «собрать трудоспособных жителей, у которых дети старше 12 лет и угнать в Германию, а детей – на произвол судьбы».

После этого к нам приходит мама и Клаве говорит: «Вот что, дочка, я возьму с собой женю и уйду жить к знакомым, а ты говори на Галю, что это твоя дочь». Так они и решили.

С каждым днем нам становилось все хуже и хуже. Клава заболела, меня покидали силы от недоедания. Мы были в плену у голода.

Для того, чтобы хоть чего-нибудь поесть, я ходил к немецкой кухне, где собирал картофельные очистки, приносил убитую немцами собаку, кое-как её обдирал, все это варилось, и этим мы питались.

В то время мы не знали, что немецкие войска уже в окружении, вшивые, тоже голодные, замерзающие от холода, мороза, ветра. В ту зиму 1942-1943 гг. немцы стали свирепее любого хищного зверя. Все теплые вещи, что оставили жители города Сталинграда, те, что эвакуировались и не могли взять с собой, солдаты Гитлера

растащили по себе, повязали на себя женские платки, укрывались одеялами, на ноги надевали сплетенные из соломы сапоги, но ничего не помогало – им приходил крах.

В середине января в полдень к нам, чуть жива, приходит мама и со слезами на глазах говорит Клаве: «Идите, принесите Женю, если он ещё не замерз, скорей, он лежит недалеко отсюда. Нести его у меня нет сил, а сам идти он тоже не может».

Мы с Клавой взяли кое-какие лохмотья и быстрее побежали его искать. К счастью, мы нашли его быстро. Он лежал на дороге лицом вниз, подошли к нему, подняли, завернули и принесли домой. Он ещё был жив.

Отогрелся он, открыл глаза и попросил есть. Мы его накормили чем могли, а могли мы только супом, сваренным из очисток и объедков, собранных у немецкой кухни, и мальчику стало чуть-чуть лучше.

В эту ночь умерла моя мама. Утром мы проснулись, а она мертвая; кое-как мы с Клавой вытащили её из кухни, положили на снег около каменной стены разбитого здания, покрыли лохмотьями и засыпали снегом. Через несколько дней умерли сестра Галя и брат Женя. Положили их рядом с мамой, тоже засыпали снегом. Сестра Клава тоже слегла, ходить от болезни и голода уже не могла. Один я бодрствовал и пытался хоть что-то найти поесть. Мы были в плену у голода и не знали, что 19 ноября наши войска пошли в наступление и окружили Сталинград.

Утром 30 января 1943 года я увидел бежавшего по улице красноармейца с автоматом, и от него я узнал, что пришло освобождение. Попросил у него что-нибудь поесть. Он дал мне несколько сухарей и побежал добивать фашистских гадов. Где он теперь, это наш освободитель?

Вот так закончилась для меня осада Сталинграда. В то время я ещё ничего не знал, что будет со мной, но я знал, что не умру с голоду, как умерли мой младший брат и сестра, умерла мама и бабушка.

После полного освобождения Сталинграда, когда стало тихо-тихо, не свистят пули, не разрываются снаряды и мины, и не стали бояться фрицев, я пошел на свой двор. Я предполагал, что там должна жить Неделина М.Ф., а когда возвращался обратно, то меня догнал лейтенант. У него я попросил спичек. «Тебе зачем?» - спрашивает он у меня. – «Для того, чтобы растопить печь, у меня лежит больная сестра». Он вместе со мной зашел в кухню, увидел лежавшую больную сестру, дал спичек, и ещё я у него попросил поесть что-нибудь поесть. Он сказал, что принесет.

Через некоторое время он возвратился. Приехали два солдата на лошади, привезли хлеб, консервы. С ними – офицер в звании майора. Это был командир полка Елисеев Иван Гордеевич, его адъютант Федоров Иван Иванович. Принесли нам хлеба, сахара, консервов, и тут командир полка дал распоряжение: поместить нас в санитарную роту. Через два дня перевезли в санчасть.

Поместили нас в маленький блиндаж. Перед тем нас вымыли, постригли, избавили от насекомых – вшей и под руководством главного врача Богомолова Павла Петровича врачи: Карнаухов Александр Кириллович, Курицкий Эммануил Яковлевич приступили к лечению сестры, но спасти её не удалось, и она умерла. Я остался один. Так я стал сыном 886-го полка (потом переименованного в 217-й гвардейский полк) 298-й (потом 80-й гвардейской) стрелковой дивизии. Из города полк перебазировался и разместился в Калиновой балке под Сталинградом. Здесь 1

апреля 1943 года дивизии вручали гвардейское знамя. После дивизия стала называться 80-й гвардейской стрелковой, полк 217 гвардейский стрелковый. Майору Елисееву И.Г. присвоили звание подполковника.

Наша дивизия была сначала 298, когда освобождали Сталинград, когда кончились бои, это было уже в апреле месяце. Знамя дивизии вручал секретарь обкома партии города Сталинграда Чуянов А.С. Комполка однажды говорит мне, что скоро будут вручать гвардейское знамя и ты пойдешь за полковым знаменем, так что вырабатывай строевой шаг. Комроты занимался со мной строевым шагом.

При вручении гвардейского знамени присутствовали командир дивизии генерал-майор П.П.Демин, первый секретарь обкома партии, член военных советов Сталинградского, Южного, Донского фронтов Чуянов Алексей Семенович.

В санчасти я поправился, портные сшили мне форму (ходил в военной форме), и на гимнастерку сам командир полка приколот мне гвардейский значок. Когда ввели погоны, мне присвоили звание ефрейтора. Воевать мне, хоть и наградили потом медалью «За оборону Сталинграда», правда не пришлось: помогал поправлять перевязки раненым, писал от их имени письма домой, выполнял несложные обязанности связного...

Как-то проходя мимо стоявших в строю солдат, с которыми занимался командир роты, я перешел на строевой шаг и поднял руку к головному убору, т.е. приветствовал солдат, отдавая честь. Командир скомандовал «смирно», подозвал меня и сказал: «Молодец, Костюшка, ты правильно сделал. Солдаты будут помнить тебя». /Потом в послевоенное время на встрече в Барнауле

один солдат действительно вспомнил меня и спросил: «Этот ты проходил в Вишневой балке?»/ Иван Гордеевич Елисеев - комполка, едет перед парадом и говорит: «Давай я тебя на коне прокачу!» И мы шагом поехали. Он очень любил песню, часто пел «...одержим победу, ... я вернусь, когда растает снег». Вот я ему и сказал: «Снег растаял, а вы ещё не вернулись». «Да, Костюшка, когда вернемся домой, пока неизвестно». Корреспондент фотографировал один и второй полк, когда Чуянов А.С. вручал знамя.

Однажды, зайдя в санроту, командир полка Елисеев И.Г. меня спросил: «Кто у тебя ещё есть родные, знакомые?» Я ответил: «Отец и сестра Шура на фронте, из знакомых есть М.Ф. Неделина, с которой мы пережили все нашествия на город Сталинград. Она находится в Сталинграде, и я знаю, где она живет».

Тогда он дает распоряжение врачам Курицкому Э.Я. и Карнаухову А.К. съездить и навестить Неделину. Захватив с собой часть продуктов мы поехали к ней. Приехали, а у М.Ф.Неделиной заболел серьезно сын Гена. Врачи его осмотрели. Диагноз – менингит, и они его вылечили.

Вскоре гвардейская наша дивизия снялась, погрузилась в эшелон. По дороге бомбили. Командир роты разведчиков организовал самодеятельность. На остановках, а они, бывало, и по несколько часов продолжались, выступали перед собравшимися жителями. Я под баян пел «Бьется в тесной печурке огонь». Женщины почему-то плакали.

В апреле 1944 года, когда воевали уже на Украине, Иван Гордеевич мне как-то сказал: «Хватит тебе на войне быть, скоро за границу пойдём!»

И отправил меня со своим ординарцем Гришей Пенкиным в город Тулу, к своей жене Ирине Григорьевне,

где она с сестрой и дочкой проживала в однокомнатной квартире. Приняла она меня хорошо, заботилась, хотя и самим им жилось нелегко. Думаю, командир полка хотел даже меня усыновить, после войны, конечно, если один останусь. Он ко мне привязался, полюбил. Обо мне и говорить нечего: до конца жизни буду Ивану Гордеевичу благодарен.

В Туле я окончил 4-й класс, а потом решил съездить в Сталинград: там ведь соседка Мария Федоровна жила в нашем доме, может, весточку какую получила от воевавших отца, брата или сестры. А ещё была мечта поступить в Суворовское училище. Сбыться ей, правда, было не суждено, хотя в райвоенкомате, куда я первым делом зашел, когда прибыл в Сталинград, даже направление в Суворовское получил, в Саратов. Но тогда не получилось, а после войны – расхотелось.

К моей радости оказалось, что сестра Шура писала Марии Федоровне, которая ей сообщила, что я с полком отправился на фронт. Когда часть, в которой Шура служила связисткой, стояла на формировании в Нарофоминске, я у неё даже побывал, а потом опять уехал в Тулу – к Ирине Григорьевне.

В конце войны мы с сестрой, которую к этому времени демобилизовали, уехали в город Махачкалу, где я и узнал о Победе: в два часа ночи вдруг заговорило радио. Все вышли на улицу – на центральную площадь. Всеобщее ликование словами не передать! Хотя, конечно же, многие плакали не только от радости, но и от горя, которое мало кого миновало.

А в ноябре 1945 года нас ждала ещё одна радость: В Махачкалу приехал отец. Он, сестра и я – только мы из всей большой семьи остались в живых. Втроем и

вернулись в Сталинград, несмотря на то, что от него остались одни развалины. Остановились на левом берегу Волги, в Красной слободе: отец нашел там какую-то землянку, поправил, подремонтировал – стали жить. Он хотел, чтобы я пошел по его, плотницкому делу, но я в ремесленное училище поступил на моториста учиться. Училище было при судоремонтном заводе.

Окончив в 1947 году ремесленное, стал на сухогрузном теплоходе работать сначала помощником механика, потом механиком. Когда на флоте прошло совмещение профессий, выучился на судоводителя, окончив вечерне-заочное отделение речного училища. (Последняя должность – капитан-механик грузового теплохода).

А с Иваном Гордеевичем мы, как расстались в 44-м, так ничего и не знали друг о друге. Но мне в жизни как-то везло и на людей хороших, и на встречи. Приехал я однажды в Ахтубинск к невесте своей Антонине (её отец был капитаном буксирного теплохода, и они там зимовали), познакомился я с парнем, служившим в Туле, попросил его сходить по адресу Елисеева. Он потом сообщил мне, что Иван Гордеевич живет уже не там, а во Владимировке – военном городке, совсем рядом с Ахтубинском! Мы списались, а в 1952-м, наконец, встретились при не совсем обычных обстоятельствах.

Вышли тогда холодной весной в рейс – большая льдина попала под корпус, повредила лопасти. Мы кое-как пришли в оказавшийся совсем рядом Ахтубинский судоремонтный завод, чтобы ликвидировать последствия аварии, и я отпросился в гост к Елисееву.

Так и встретились – через восемь лет. Первый раз выпили вместе. «Если б не письмо, я бы тебя, Костюшка, и не узнал!» - разглядывая меня, сказал он.

Долго переписывались, а потом, когда Ивана Гордеевича комиссовали по болезни, и он с женой уехал в Ригу, связь опять оборвалась. Вновь мы встретились в 1972-м году в Волгограде, и снова при счастливом стечении обстоятельств. Моей сестре Шуре, которая продолжала жить в Сталинграде, именовавшемся уже Волгоградом, попала на глаза заметка в газете «Молодой ленинец» в которой рассказывалось обо мне как воспитаннике полка. Сообщалось, что меня разыскивают Чуянов (который вручал нам гвардейские знамена) и Елисеев.

Встретились мы в Мамаевом кургане 2 февраля, когда праздновалось освобождение города, вместе потом в телевизионной передаче участвовали. И в следующем, 73-м году встречались: пригласили нас в село Котлубань, которое мы освобождали. Тогда-то и организовался под председательством Елисеева совет ветеранов нашего полка.

К этому времени я уже ушел с самоходки: стал работать на берегу, на судоремонтном заводе в затоне А.Жданова.

Общий рабочий стаж у меня 59 лет. В Горьком (Н.Новгород сегодня) была квартира, жена и двое сыновей – Евгений и Сергей, которые сделали меня потом счастливым дедушкой (а теперь вот и правнуку Вове уже 12 лет /2010 г./)! А ведь род моего отца – по мужской линии – на мне мог бы и закончиться (старший брат погиб на войне)...., если бы тогда, хоть и в освобожденном, но все еще погибавшем от голода и холода Сталинграде,

командир полка не взял с собой оставшегося одного и много уже чего в своей короткой жизни повидавшего и пережившего мальчишку.

Заканчивая свои воспоминания, я хочу отдать дань уважения и благодарности человеку, который проявил большую, по-отцовски родную заботу о детях, которым пришлось перенести все тяготы, принесенные на нашу землю фашистским отребьем. Детям, которым пришлось видеть, как на их глазах умирали матери, отдав свой последний съедобный кусочек, чтобы только их кровинушки выжили, как умирали их братья и сестры. Никто из завоевателей, жаждущих чужой наживы, не поступит так по отношению к голодным детям, кроме нашего русского солдата. И пока я жив, никогда мне не забыть этого человека – Елисеева Ивана Гордеевича. Спасибо ему!..

Имею военные награды: «орден «Отечественной войны II степени», медаль «За отвагу».

Есть ещё и очень ценный для меня подарок – книга «Битва за Сталинград» с автографом «Самому тогда маленькому и бесстрашному бойцу Сталинградской битвы и его сыну Сереже», подаренная мне бывшим первым секретарем обкома партии г.Сталинграда в Москве 28.07.1970 года.

И по сей день являюсь секретарем совета ветеранов дивизии. Встречаемся с однополчанами, обмениваемся адресами, поддерживаем переписку. На прошедшей встрече сделал снимки и фотокарточки выслал. Вот что пишут в ответ на это ветераны войны. Например, пишет из села Красноярска Усть-Пристанского района Алтайского края Комаров Василий Алексеевич: Большое спасибо Вам за фотокарточки. Это память на всю оставшуюся жизнь.

Пока жив, здоровье неважное, болят раны. Заканчиваю письмо. У меня к Вам просьба, передайте через газету однополчанам алтайцам добрые пожелания крепкого здоровья, успеха в труде на благо нашей Родины и посильного вклада в борьбе за мир. С уважением к Вам...»

После войны я работал на речном флоте. Был награжден знаком «Отличник соцсоревнования министерства речного флота», юбилейной медалью «100-летие со дня рождения В.И.Ленина» и орденом «Знак Почета».

С 1958 года наш затон им. А.Жданова стал постоянным местом жительства для К.Д.Зимины и его семьи. Лишь совсем недавно переехал ветеран войны в Н.Новгород на ул.Жукова, д.3, кв.49, но каждое лето приезжает, живет и трудится у себя на дачном участке в пос.Окском, и каждый год, 9 МАЯ, Константин Дмитриевич Зимин надевает свои заслуженные награды: Орден Отечественной войны, Медаль за Отвагу, Орден Знак почета, юбилейные медали и идет почтить память павших в боях в годы Великой Отечественной войны к обелиску, что стоит на откосе поселка Окский.

(по материалам библиотеки пос.Окский)